

IV. К столетию Русской революции (3)

Екатерина Коллинг

Большевистская революция 1917 года как камень преткновения российской науки

«...Рухнули все начала, охранявшие культурный слой в России...»

Н. Бердяев: *Размышления о русской революции*

Период рубежа XIX–XX вв. в России вплоть до переломного 1917 г. ознаменовался не только глубочайшими социальными катаклизмами, но и стал также временем мощного творческого подъема, позже названным «серебряным веком» русской культуры, а также периодом расцвета русской науки. В эти годы широкая сеть научных и образовательных учреждений особенно активно расширялась¹, а в дополнение к традиционно существующим научным институтам возникали новые формы организации российской науки. Так, в России перед революционным 1917 г. действовало около трехсот научных обществ, с участием в работе которых многие ученые совмещали преподавательскую работу, и деятельность которых охватывала широкий спектр наук². Именно научные общества

¹ С момента своего возникновения в петровскую эпоху российская наука сочетала в себе преимущества академической и университетской науки и располагала соответствующей инфраструктурой. Так, по состоянию на 1916 г. помимо Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, в стране действовали 10 университетов и около 90 высших специальных учебных заведений – технических, лесных, медицинских и пр., всего же в России насчитывалось около 100 высших учебных заведений. В последнее предвоенное десятилетие в дополнение к государственным высшим учебным заведениям стали появляться частные высшие школы, которые, создавая конкуренцию государственным, способствовали тем самым повышению качества образования в стране. Помимо этого, действовали многочисленные научные учреждения: ученые комитеты, комиссии, ведомственные лаборатории и пр. Подробнее см., напр., Табл. 1 в: Волков С.В. Интеллектуальный слой в советском обществе. М., 1999.

² Научные общества создавались в основном при соответствующих факультетах университетов: так, существовали, например, Историческое, Неофилологическое, Юридическое, Философское научные общества в области гуманитарных наук или Физико-химическое, Антропологическое, Географическое, Техническое общества в области естественных наук. Помимо университетских, создавались также внеуниверситетские общественные организации академического типа, такие как Русское историческое общество, Общество любителей древней письменности и Русское археологическое общество. Подробнее см., напр., Ростовцев Е.А. Академическая корпора-

значительно способствовали ускоренному развитию соответствующих отраслей науки в России в конце XIX–начале XX вв. Д. И. Менделеев отмечал в 1882 г.: «если [...] научные исследования в России, совершаемые русскими у себя дома, начали положительно интересовать ученых всего света, то этому чрезвычайно много содействовало развитие и учреждение у нас ученых обществ»³.

Помимо прочего, к началу XX в. в России широкое распространение во многих отраслях науки получила одна из форм организации научного сообщества – научная школа, в рамках которой молодое поколение ученых объединялось вокруг выдающихся в своей области ученых, передающих им свои знания и наработки для дальнейшего развития научных идей. Научные школы также стали катализаторами научной мысли в России.

Бурное развитие науки и ее институтов в конце XIX в. в России обусловило формирование российского научного сообщества, состоявшего из университетской и академической интеллигенции. Это явилось важной вехой в развитии российской науки, сыгравшей свою роль в ее успешности и мировом признании. Кроме этого, к этому времени российское научное сообщество успешно интегрировалось в сложившееся международное научное сообщество, что в условиях обмена знаниями, доступности всей имеющейся инфраструктуры, инструментов и процедур международного научного сообщества делало работу российских ученых еще более плодотворной.

Российская наука начала XIX в., и в особенности фундаментальная наука, по мнению многих современных исследователей и по оценкам самих ученых того времени, приближалась по уровню своего развития к науке западных стран. Квалификация российских научных кадров и уровень научных исследований достигли высокого уровня, о чем свидетельствует, помимо прочего, целый ряд открытий мирового масштаба, совершенных русскими учеными. В России работала целая плеяда всемирно известных ученых в различных областях науки, как-то: И. П. Павлов и И. И. Мечников, великие ученые-химики Д. И. Менделеев и А. М. Бутлеров, математики Н. И. Лобачевский и П. Л. Чебышев, естествоиспытатели В. И. Вернадский, К. А. Тимирязев, физиолог И. М. Сеченов, медики С. П. Боткин, Н. И. Пирогов, основоположник теоретической космонавтики К. Э. Циолковский, создатель аэродинамики Н. Е. Жуковский, физики Н. А. Умов, П. Н. Лебедев, историк В. О. Ключевский, философы В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк и многие другие крупные ученые.

Помимо непосредственно научной работы, на рубеже веков русские ученые играли заметную роль в политической жизни страны. Ученые и университетская профессура не могли и не хотели оставаться в стороне от событий, происходя-

ция Санкт-Петербургского университета в начале XX в.: отношение к власти и гражданскому обществу// Быть русским по духу и европейцем по образованию: университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII-XX в. М., 2009. С. 139-156.

³ Менделеев Д.И. Познание России: заветные мысли. М., 2008. С. 471.

щих в стране. Напротив, многие из них имели активную общественную и политическую позицию, ставя своей задачей не только служение науке и обучение и воспитание студентов, но и активное служение своей стране. В эпоху становления гражданского общества в России на рубеже веков ученые и профессура были как раз той частью интеллигенции, которая активно участвовала в его формировании.

Зачастую ученые, и в особенности ученые-гуманитарии, попросту не видели разницы между своей профессиональной и политической деятельностью и считали своим долгом содействовать продвижению своих идей на благо родины. Это иллюстрирует, например, высказывание профессора П. Г. Виноградова: «Профессор всеобщей истории не может сидеть у себя в углу»⁴.

Еще первая русская революция ускорила процесс формирования общественно-политических воззрений ученых, поскольку потребовала от них реакции на происходящие в стране события. Преобладающее большинство ученых и преподавателей высших школ принадлежало при этом к либеральным партиям или придерживалось либеральных взглядов, что отражает термин «либеральная профессура», использующийся многими историками и публицистами для характеристики университетского преподавательского состава в России конца XIX – начала XX вв.

Так, преобладающие позиции в российском научном сообществе сохранялись вплоть до октября 1917 г. за партией кадетов с их требованием конституционной монархии и либеральных парламентских реформ. Ученые участвовали в кадетских либеральных объединениях «Беседы», «Союз земцев-конституционалистов», «Союз освобождения», а впоследствии дали партии конституционных демократов видных идеологов и руководителей. Возглавлял партию кадетов и издаваемую ими газету *Речь* известный историк и публицист П. Н. Милюков, приват-доцент Московского и профессор Софийского университетов. Помимо него, 22 из 54 членов ее ЦК первого созыва (около 40%) были представителями высшей школы⁵. Высокая доля ученых и профессоров сохранялась в партии кадетов во всех созывах, по причине чего ее часто неофициально называли «профессорской»⁶.

В беспокойное время начала XX в. к этой небольшой, но влиятельной части общества стала прислушиваться власть, которая начала постепенно отходить от политики «сдерживания» русской интеллектуальной элиты. В попытках модернизировать империю власть вынуждена была начать приглашать интеллигенцию участвовать в управлении государством и в преобразовании страны.

⁴ Виноградов П. Россия на распутье: историко-публицистические статьи / Предисловие А. Антощенко. М., 2008. С. 9.

⁵ Иванов А. В преддверии кадетской партии: Всероссийский союз деятелей науки и высшей школы // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов. СПб., 2003. <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/ps/202-212.pdf>. Последнее посещение 8 ноября 2016.

⁶ См., напр.: Аврус А.И. История Российских университетов. М., 2001. С. 39.

В составе своих партий ученые участвовали в деятельности Государственного Совета, а позже Государственной Думы, куда избирались наравне с представителями других слоев общества – дворян, земледельцев, духовенства, буржуазии, крестьян. Всего от академической курии избиралось шесть членов из наиболее авторитетных профессоров и академиков⁷. В 1906 г., например, ими стали выдающийся минеролог В. И. Вернадский, филолог А. А. Шахматов, историки Д. И. Багалей и А. С. Лаппо-Данилевский, политэконом А. А. Мануйлов, представляющие в своем большинстве партию кадетов⁸. Ученые надеялись, что смогут в этом качестве способствовать установлению демократических свобод в России и требовали, в числе прочего, широкой политической амнистии и отмены смертной казни.

В период между двумя русскими революциями политическое влияние ученых и профессуры продолжало укрепляться, и все больше из них принимало участие в управлении государством. Так, после падения монархии во все составы Временного правительства входили многие видные члены Академии наук и университетской профессуры – П. Н. Милюков, А. А. Мануйлов, С. Н. Прокопович, С. Ф. Ольденбург, В. И. Вернадский и другие. Возрастающее политическое влияние и компетенция университетской и академической элиты, объединенной между собой своими сходными политическими воззрениями, превратило их в реальную политическую силу.

Таким образом, к революционным событиям 1917 г., в корне переменившим жизнь всей страны, русские ученые подошли достаточно сплоченной не только профессиональными, но и политическими интересами группой – их чрезвычайно заботило не только будущее науки и российского образования, за которые они считали себя напрямую ответственными, но и судьба России, в которой они также принимали непосредственное участие. Захват власти большевиками в октябре 1917 г. кардинально изменил ситуацию во всей стране и, в числе прочего, оказал прямое влияние на российский научный мир.

Хотя русская интеллигенция исторически являлась той средой, в которой вызревала сама идея революции, и большинство русских демократически настроенных интеллигентов (к их числу принадлежало и подавляющее количество профессуры и ученых) высказывалось за отмену абсолютной монархии в России, то, чем революция обернулась на практике, оказалось далеко от их идеалов. Философ Федор Степун пишет в 1917 г.: «Интеллигенция десятилетиями подготавливала революцию, но себя к ней не подготовила. Почти для всех революция оказалась камнем преткновения, большинство больно ударила, многих убила»⁹.

⁷ Макаров В.И. Ученые России накануне октября // Вестник Рязанского государственного университета. 2013. № 1. http://vestnik.rsu.edu.ru/pdf/5_%2838%29.pdf. Последнее посещение 1 декабря 2016.

⁸ Степанский А.Д. Политические группировки в Государственном Совете в 1906 – 1907 гг. // История СССР. 1965. № 1. С. 52

⁹ Степун Ф.А. Мысли о России // Новый мир. 1991. № 6. С. 208.

Сходную оценку произошедшему дает другой современник событий, философ Николай Бердяев: «Интеллигенция столетие мечтала о революции и готовила ее. Но осуществление революции оказалось ее гибелью, ее собственным концом»¹⁰.

В русском научном сообществе непосредственно после октябрьской революции 1917 г. присутствовало ощущение надвигающегося на страну и русскую науку бедствия. Так, академик В. И. Вернадский говорил о захвате власти большевиками как о «небывалой в истории катастрофе», в которой «чувствуешь себя бессильной былинкой...»¹¹.

Историк П. Г. Виноградов также называет октябрьскую революцию «большевистской катастрофой»¹², а самих большевиков чрезвычайно резко определяет как «преступную банду, превратившую страну в руины»¹³, чье «правление можно определить одним словом – погром»¹⁴, подчеркивая не только катастрофические последствия для страны, но и незаконность нахождения у власти большевиков. П. А. Сорокин, описывая первые дни после случившегося октябрьского переворота, вспоминает: «в редакции моей газеты я написал свою первую статью о победителях, клеймя их как убийц, насильников, бандитов и грабителей, и подписал ее полным именем, невзирая на протесты моих коллег и даже наборщиков»¹⁵. М. М. Новиков, в свою очередь, в написанных позднее мемуарах определяет произошедшую революцию как «большевистский переворот», «захват власти большевиками»¹⁶.

Философ Н. Бердяев называет воцарившийся коммунизм в России признаком «нового Средневековья», явившимся результатом «падения законного принципа власти [...] и замены его принципом силы, жизненной энергии спонтанных общественных групп»¹⁷, и вместе с этим эмоционально подчеркивает, что «русская революция есть великое несчастье»¹⁸, и после нее «нельзя ждать в России ничего особенно хорошего. Опустошения слишком велики. Деморализация ужасна»¹⁹.

Ученые не обманулись в своем предчувствии надвигающейся на них катастрофы – диктатура пролетариата обернулась для страны хаосом. С самого прихода к власти большевиков в России, к тому времени ослабленной годами участия в Первой мировой войне, а затем в революции и в гражданской войне, остро встал вопрос об элементарном физическом выживании. Политика военного коммунизма, введенная большевиками в условиях гражданской войны в надежде

¹⁰ Бердяев Н.А. Размышления о русской революции // он же. Новое средневековье: размышление о судьбе России. М., 2002.

¹¹ Вернадский В.И. Дневники (1917 – 1921). К., 1994. С. 24, 28-29.

¹² Виноградов П. Россия на распутье: историко-публицистические статьи. М., 2008. С. 439.

¹³ Там же. С. 440.

¹⁴ Там же. С. 420.

¹⁵ Сорокин П.А. Долгий путь: автобиограф. роман. Сыктывкар, 1991.

¹⁶ Новиков М.М. От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. М., 2009.

¹⁷ Бердяев. Новое средневековье.

¹⁸ Бердяев. Размышления о русской революции.

¹⁹ Там же.

хоть как-то выровнять ситуацию (в формулировке новой власти «для слома саботажа буржуазных элементов и обеспечения рабочей силой разоренного войной народного хозяйства»), на самом деле еще более усугубила бедственное положение в стране. Такие меры, как отмена товарно-денежных отношений, национализация промышленности и банков, конфискация частных накоплений, упразднение частной собственности, продразверстка, трудовая повинность и т.п. фактически уничтожили экономику страны, поставив ее на грань выживания.

«Основное впечатление от положения в России – это картина колоссального непоправимого краха», – писал Герберт Уэллс, посетивший советскую Россию осенью 1920 г. – «громадная монархия, которую я видел в 1914 году, с ее административной, социальной, финансовой и экономической системами, рухнула и разбилась вдребезги под тяжким бременем шести лет непрерывных войн. История не знала еще такой грандиозной катастрофы. На наш взгляд, этот крах затмевает даже саму Революцию...»²⁰.

Не ограничиваясь насущными проблемами, новая власть безжалостно и планомерно принялась за уничтожение прежнего порядка во всех областях жизни, сразу взявшись и за невписывающуюся в новую модель общества интеллигенцию. Как с горечью свидетельствует современник событий Николай Бердяев, «пусть царская власть часто преследовала и гнала культурный слой, но она в прошлом делала возможным самое его существование. [...] С падением царской власти в России наступило "упростительное смешение", низвержены были все качественные различия, разбита вся социальная структура русского общества, темная солдатско-мужичья стихия ее затопила. Культурный слой, не имевший корней в крепких социальных классах, был низвергнут в бездну»²¹. Питирим Сорокин также указывает на катастрофическое падение культурного уровня как следствие революции: «Революция 1917 года разбила вдребезги мои взгляды на мир, вместе с характерными для них [...] концепцией исторического прогресса как прогрессивных изменений, эволюции к лучшему обществу, культуре, человеку. Вместо развития просвещенной, нравственно благородной, эстетически утонченной и творческой гуманности война и революция разбудили в человеке зверя и вывели на арену истории, наряду с благородным мудрым и созидательным меньшинством, гигантское число иррациональных человекоподобных животных, слепо убивающих друг друга, разрушающих все великие ценности, ниспровергающих бессмертные достижения человеческого гения...»²². После революции «уходила целая эра российской истории, период, который за два столетия превратил Московскую Русь в Российскую империю, добившуюся великих достижений в искусстве, литературе и науках...»²³. Так существование русской науки, успеш-

²⁰ Уэллс Г. Россия во мгле // Герберт Уэллс: собр. соч. Т. 15. М., 1964.

<http://lib.ru/INOFAnt/UELS/russia.txt>. Последнее посещение 1 декабря 2016.

²¹ Бердяев. Новое средневековье: размышление о судьбе России.

²² Сорокин. Долгий путь. С. 166-167.

²³ Там же.

но возвращенной в России за относительно короткий период времени, и ставшей неотделимой частью этого «тонкого культурного слоя», теперь оказалось под угрозой, а его разрушение было практически тождественно уничтожению науки.

Перед научным сообществом страны, погруженной в хаос войн и революции, встала задача сохранения российской науки, ее традиций и достижений. При этом ученые были поставлены перед непростым выбором: признать власть большевиков и продолжить работу на благо Родины, сохраняя науку для страны, ставшей уже советской, – или остаться верными своим политическим убеждениям, обрекая себя на риск быть репрессированным новой властью. Остаться в России означало, помимо прочего, обречь себя вместе со всей страной и в полной мере на тяжелые испытания: ученые были вынуждены не только продолжать работу в катастрофических условиях, но и зачастую заботиться о физическом выживании.

Помимо этого, для многих ученых, как правило имеющих широкие связи в мировом научном сообществе, существовала также возможность эмиграции, где они могли бы продолжить начатые в России исследования в комфортабельных условиях. Однако лишь немногие воспользовались этой возможностью непосредственно после свершившейся октябрьской революции, поскольку у большинства еще оставалась надежда на то, что сложившаяся ситуация является скорее временным недоразумением. Так, по свидетельству М. М. Новикова, «господствовала уверенность, что большевистский переворот явится лишь коротким инцидентом в общей истории революции»²⁴, а И. В. Гессен вспоминает о том времени: «Я не видел человека, который сомневался бы в непосредственно предстоявшем свержении большевиков»²⁵.

Однако со все укрепляющимися позициями большевиков в гражданской войне эта надежда начала рассеиваться. Вместе с этим в научной среде стало понятно, что приход советской власти положил конец всей русской науке, как всем ее институтам, структуре и принципам, так и работе подавляющего большинства ученых и профессуры. При этом рушились не только отдельные судьбы, разрушалась и общность ученых в т.ч. как единой общественно-политической силы, и вся сложная структура дореволюционного научного сообщества.

Это послужило для ученых веской причиной наладить эффективный рабочий контакт с новой властью, начать интегрироваться в новые организационные структуры и убедить власть в необходимости поддержки науки.

Интересно проследить, к примеру, как устанавливался контакт Академии наук с новой властью после большевистского переворота осенью 1917 г. Со стороны Академии инициативу диалога с большевиками взяли на себя ее руководители: академики А. П. Карпинский, С. Ф. Ольденбург, В. А. Стеклов, которые начали

²⁴ Новиков. От Москвы до Нью-Йорка. С. 214.

²⁵ Гессен И.В. В двух веках: жизненный отчет // Архив русской революции. Т. XXII. Берлин, 1937. С. 382.

выстраивать свою позицию на основе практической ценности науки для народа и государства.

Академики оказались в сложном положении: с одной стороны, большинство из них новую власть не приняло и не считало законной, в то же время, как и прежде при царской власти, ученые видели себя на служении прежде всего науке, а не государству и не властям, поэтому работу не могли прерывать. К тому же работа Академии наук, главного научного учреждения страны, не могла вестись автономно от государства, особенно важна была ученым финансовая поддержка и обеспечение бесперебойности исследований.

Непосредственно после октябрьского переворота внутренние дискуссии в Академии наук велись прежде всего по вопросу выбора общей позиции ученых по ситуации в стране и по отношению к новой власти. Открывая официальную дискуссию в пределах Академии, ее президент А. П. Карпинский так обратился в ноябре 1917 г. к своим коллегам: «Происшедшие события угрожают гибелью стране и необходимо, чтобы Российская Академия наук не молчала в такое исключительное время»²⁶.

Стоит отметить, что многие академики, не признавшие легитимность большевистского переворота и не верившие в долговечность новой власти, склонялись особенно в начале к довольно резким оценкам происходящего. Так, специальная комиссия, созданная в Академии непосредственно после октябрьского переворота во главе с историком А. С. Лаппо-Данилевским, заявляла от имени ученых: «Великое бедствие постигло Россию: под гнетом насильников, захвативших власть, русский народ теряет сознание своей личности и своего достоинства; [...] ценою постыдного и непрочного сепаратного мира, готов изменить союзникам и предать себя в руки врагов. Что готовят России те, которые забывают о ее культурном призвании и о чести народной? – внутреннюю слабость, жестокое разочарование и презрение к ней со стороны союзников и врагов»²⁷.

Однако по вопросу отношений к новой власти существовала и другая позиция. Так, например, ученый-химик В. Н. Ипатьев, принципиально не принявший большевистскую революцию, встал тем не менее на путь сотрудничества с советской властью, прагматично аргументируя свою позицию на послеоктябрьском заседании Академии наук: «Что касается отношения каждого из нас к большевистскому правительству, взявшему ныне власть в свои руки, [...] никто не заставляет теперь высказать нашу симпатию или антипатию к новой власти; и при царском режиме многие из нас не сочувствовали самодержавному правлению, но

²⁶ Экстраординарное заседание РАН 18.11.1917. Протоколы заседаний Общего собрания Российской академии наук. 1917. СПб. филиал Архива РАН, ф. 1, оп. 1а, д. 164, § 306. Цит. по: Есаков В.Д. От императорской к российской: академия наук в 1917 г. // Отечественная история. 1994. № 6.

²⁷ Экстраординарное заседание РАН 18.11.1917. Протоколы заседаний Общего собрания Российской академии наук. 1917. СПб. филиал Архива РАН, ф. 1, оп. 1а, д. 164, § 306. Цит. по: Есаков. От императорской к российской.

это не мешало нам честно выполнять наш долг перед страной и продуктивно работать»²⁸.

Именно эта точка зрения в конечном итоге возобладала в среде академиков, и они сумели совладать со своими эмоциями, осознав необходимость работать с новой властью в независимости от того, сколько она продержится, сохранив целостность Академии наук и обеспечив себе условия для работы. Таким образом, многими учеными был выбран деловой и трезвый тон общения с большевиками.

Очевидно было также, что большевики, в свою очередь, не могли не считаться с авторитетом Академии наук. Кроме этого, новой власти необходима была своя наука, строить которую особенно на начальном этапе приходилось с привлечением старых специалистов. Так, Ленин писал: «У нас есть буржуазные специалисты, и больше ничего нет. У нас нет других кирпичей, нам строить не из чего. Социализм должен победить, и мы, социалисты и коммунисты, должны на деле доказать, что мы способны построить социализм из этих кирпичей, из этого материала...»²⁹. Поэтому с самых первых контактов с Академией большевиками был выбран осторожный тон по отношению к ученым, и новая власть, казалось, в какой-то мере даже прислушивалась к высказываниям академиков.

Официальный диалог Академии наук с большевиками начался в первом квартале 1918 г., что совпало с началом Гражданской войны в России, исход которой к тому времени был совершенно неясен³⁰. Еще и по этой причине новая власть была заинтересована привлечь интеллектуальную элиту на свою сторону, и, в числе прочего, добиться добровольного признания советской власти учеными, что придало бы ей дополнительный вес.

Таким образом, обе стороны прикладывали значительные усилия к налаживанию взаимной работы, и постепенно начался сложный процесс взаимной адаптации старой науки и новой власти. В самом начале переговоров Наркомата просвещения под руководством А. В. Луначарского с Академией наук в январе 1918 г. перед ней был поставлен прямой вопрос о готовности сотрудничать с советской властью, на что Академия отвечает согласием сотрудничать «по каждому отдельному вопросу в зависимости от научной сущности вопроса по пониманию Академии и от наличности тех сил, которыми она располагает»³¹. Таким образом, академики подчеркивают, что работа должна вестись по конкретным научным вопросам и в соответствии с их трактовкой учеными.

В довольно короткие сроки после прихода советской власти, а именно в марте 1918 г., Академия наук официально становится учреждением в системе Наркомата просвещения. Практически сразу после этого на нее начинает оказываться

²⁸ Ипатьев В.Н. Жизнь одного химика. Воспоминания. Том II: 1917-1930. Нью-Йорк, 1945. С. 48. Цит. по: Романовский С.И. «Притащенная» наука. СПб., 2004.

²⁹ Ленин В.И. Успехи и трудности советской власти. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 54.

³⁰ Подробнее см.: Романовский. «Притащенная» наука.

³¹ Первые контакты Академии наук и Наркомпроса подробно описаны, напр., в: Вестник Академии наук СССР. 1957. № 10. С. 151-153.

давление большевиками, мало заинтересованными в теоретических науках, таких как физико-математические или историко-филологические, на которых традиционно делался акцент в Академии. Вместо этого пролетарское государство срочно нуждалось в практической поддержке своих планов по восстановлению экономики страны. Убедительная прикладная социально-экономическая база требовала также основательной теоретической проработки народно-хозяйственных планов развития экономики, как и дальнейшего развития теоретической базы марксизма-ленинизма.

В числе прочего, в апреле 1918 г. Совет народных комиссаров постановляет «указать ей (Академии наук – Е. К.) как особенно важную и неотложную задачу разрешение проблем правильного распределения в стране промышленности и наиболее рациональное использование ее хозяйственных сил»³², а Ленин собственноручно составляет для Академии «Набросок плана научно-технических работ» с планом реорганизации российской промышленности³³.

Очевидно, что эти новые приоритетные направления науки были чужды большинству ученых и противоречили как их убеждениям, так и научным интересам. Помимо прочего, от них требовалось теперь решать вопросы чисто прикладного характера, к тому же, исходя, везде где возможно, исключительно из положений марксизма. Ученые такие жесткие рамки, естественно, нашли неприемлемыми, и им оставалось лишь лавировать между планами социалистического строительства большевиков и своими научными интересами.

Большевики продолжали дипломатично обходиться с Академией наук как со структурой, важной для будущего советского общества, и некоторое время после окончательной победы в гражданской войне. Контакт с руководством Академии продолжался на высшем уровне, и власти стремились по возможности удовлетворять просьбы ученых. Примером может служить создание в 1920 г. в Петрограде ЦеКУБУ – Центральной комиссии по улучшению быта ученых при СНК РСФСР, просуществовавшей до 1937 г. и сыгравшей значительную роль в поддержке ученых в тяжелые годы.

Кроме поддержки Академии наук, советская власть ставила своей целью поддержку отдельных крупных ученых, представляющих особый интерес для социалистического строительства. При этом, помимо их возможного вклада в новую советскую науку, большевики заботились в том числе о своем имидже за границей, где авторитет русских ученых – академиков был высок. Примером такой адресной поддержки может служить отдельный декрет советской власти о помощи работам академика И. П. Павлова, который представлял чрезвычайный интерес для советской власти по нескольким причинам. Профессор Павлов, создавший учение о высшей нервной деятельности, крупнейший физиолог своего времени, почетный член порядка 100 академий, университетов и научных обществ во всем

³² Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 94.

³³ Кольцов А.В. В. И. Ленин и Академия наук // Природа. 1971. № 4.

мире, лауреат Нобелевской премии, был широко известен не только в России, но и за рубежом. Его учение очень удачно вписывалось в материалистическую картину мира пролетариата и подтверждало принципы диалектического материализма, становящегося главенствующим учением в Советской России.

Известно, что, как и его многие коллеги, ученый приветствовал падение самодержавия в феврале 1917 г., однако большевиков категорически не принял. Так, в своем прошении в Совнарком 11 июня 1920 г., в котором Павлов просит отпустить его за границу для продолжения своих исследований «вне родины, на котором я мог бы достаточно пропитываться с моей женой и без помехи продолжать мою научную работу, которую смею считать очень важной и на которую мой мозг еще вполне способен», он, кроме прочего, пишет: «Как стародавний экспериментатор, глубоко убежден, что проделываемый над Россией социальный и политический опыт обречен на непереносимую неудачу и ничего в результате, кроме политической и культурной гибели моей Родины, не даст...»³⁴.

Однако удержать в стране такого крупного ученого с мировым именем было для советской власти, очевидно, особенно важно. В своем письме председателю Петроградского исполкома от 25 июня 1920 г. Ленин отмечает, что «ученый этот представляет собой такую большую культурную ценность, что невозможно допустить насильственного удержания его в России при условии материальной небезопасности» и рекомендует обеспечить ему «комфортабельную обстановку»³⁵.

24 января 1921 г. Совнарком издает отдельное постановление «Об условиях, обеспечивающих научную работу академика И. П. Павлова и его сотрудников», в котором отмечает «совершенно исключительные научные заслуги академика И. П. Павлова, имеющие огромное значение для трудящихся всего мира»³⁶. Постановляется «в кратчайший срок создать наиболее благоприятные условия для обеспечения научной работы академика Павлова и его сотрудников», а также «в лучшей типографии Республики отпечатать роскошным изданием заготовленный академиком Павловым научный труд, сводящий результаты его научных работ за последние 20 лет», «обеспечить профессора Павлова и его жену пожизненным пользованием занимаемой ими квартирой и обставить ее и лабораторию академика Павлова максимальными удобствами», как и предоставить академику и его жене специальный паек, «равный по калорийности двум академическим пайкам». От последнего Павлов, к слову, отказывается, требуя обеспечить достаточным пайком всех своих коллег.

Все вышеназванные меры поддержки ученого были реализованы в достаточно короткие сроки. В 1923 г. вышло издание *Двадцатилетнего опыта объективного*

³⁴ Павлов И.П. Письмо Луначарскому // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 1172. Л. 31. Цит. по: Сорокина Т.С. История медицины. <http://www.bibliotekar.ru/423/35.htm>. Последнее посещение 2 декабря 2016.

³⁵ Цит. по: Сорокина. История медицины.

³⁶ Сорокина. История медицины.

изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных – итог многолетних исследований Павлова. К 75-летию академика в 1925 г. физиологическая лаборатория его имени в Институте экспериментальной медицины была преобразована в Физиологический институт Академии наук СССР, а к его 80-летию под Ленинградом начала работать биологическая станция для продолжения экспериментальных работ ученого, которому остается лишь сожалеть о том, что в подобных условиях невозможно было работать раньше...

Подобная поддержка со стороны большевиков, тем не менее, носила единичный характер. Основная масса ученых старой школы не смела об этом и мечтать. Редкой удачей в научной среде считалось уже избежать репрессий и продолжить научные занятия, невзирая на сложные условия работы.

Несмотря на понимание важности привлечения научных кадров на свою сторону, большевики в то же самое время воспринимали ученых как «буржуазные элементы» вследствие происхождения и характера труда последних. А. П. Карпинский в одном из своих писем к Луначарскому как раз с горечью констатирует этот факт: «То глубоко ложное понимание труда квалифицированного, как труда привилегированного, антидемократического, легло тяжелой гранью между массами и работниками мысли и науки...»³⁷. Таким образом, налицо был двойственный характер отношения большевиков к ученой интеллигенции: если на уровне взаимоотношений Академии наук и Наркомата просвещения, то есть, на государственном уровне, существовало понимание необходимости взаимной работы, то на практике в отношении уже отдельных ученых велись репрессии наравне со всеми остальными неугодными советской власти категориями общества.

Кроме этого, не только со стороны представителей власти, но и в целом в обществе царило отрицательное отношение к старой интеллигенции, представителями которой было подавляющее число ученых и профессуры. Как отмечает, например, В. Кантор, «ненависть восставшего в начале XX в. демоса к профессорскому сословию была чудовищна»³⁸.

На фоне разраставшейся критики «старорежимной» науки множились процессы против «буржуазных» ученых. Обычным делом стали аресты даже самых авторитетных ученых, сотрудничающих с советской властью: им подверглись, например, в т.ч. В. И. Вернадский или С. Ф. Ольденбург, в застенках побывало бесчисленное количество видных российских ученых, нередко были даже расстрелы ученых и профессуры³⁹.

Ученые пытались протестовать против бессмысленного террора, в частности писали письма Ленину и его соратникам А. П. Карпинский, С. Ф. Ольденбург,

³⁷ Документы по истории наук СССР. 1917-1925. Л., 1986. С. 38-39. Цит. по: Экономист: избранное. 1921-1922. М., 2008.

³⁸ Кантор В. Университеты и профессорство в России // Вопросы философии. 2013. № 6. С. 16-28. http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=767&Itemid=52. Последнее посещение 13 января 2016.

³⁹ Приводится по: Ревякина И.А., Селезнева И.Н. Трудные дни российской науки // Вестник РАН. 1994. Т. 64. № 10. С. 931-937.

В. И. Вернадский. Кроме этого, за ученых заступались наркомы А. В. Луначарский и Н. А. Семашко⁴⁰. Максим Горький пишет Ленину в октябре тяжелого для страны 1919 г.: «... я знаю, что Вы привыкли "оперировать масса-ми" и личность для Вас – явление ничтожное, – для меня Мечников, Павлов, Федоров – гениальнейшие ученые мира – мозг его [...]. В России мозга мало, у нас мало талантливых людей [...]. Ученый человек ныне для нас должен быть доро-же, чем когда-либо, именно он, и только он, способен обогатить страну новой интеллектуальной энергией...»⁴¹. Все это, тем не менее, особого эффекта не име-ло и уже не могло остановить гигантский размах красного террора.

Помимо прямых преследований от новой власти, ученые подвергались всем ужасам гражданской войны, из которых особенно холод и голод, а также отсут-ствие элементарных жилищных, санитарно-гигиенических условий и медицин-ской помощи были настоящим бедствием, унесшим жизни многих из них. Г. А. Князев пишет в январе 1918 г.: «Ужас стал бытом, грядет и еще один страшный гость – мор...»⁴². К концу 1918 г. нормы выдачи хлеба по карточкам в Петрограде достигли своего минимума, а в начале 1919 г. продолжались лишь с перебоями, вместо хлеба нередко полагался овес. 1919 г. был самым лихим в Петрограде, практически отсутствовало отопление, не работала канализация, началась эпидемия тифа⁴³.

В числе прочего, не избежали ученые и трудовой повинности, что было прак-тически несовместимо с параллельным осуществлением научной работы и уси-лиями выжить и прокормить семью. Сначала декретом СНК 5 октября 1918 была установлена трудовая повинность для «нетрудовых классов», дающая право на продовольственную карточку, а вскоре и закрепленная КЗоТом трудовая повин-ность для всех граждан РСФСР (Кодекс законов о труде от 10 декабря 1918). В дополнение к этому, декретом СНК от 29 января 1920 года «О порядке всеобщей трудовой повинности» все трудоспособное население, независимо от постоянной работы, привлекалось еще и к выполнению различных трудовых заданий⁴⁴.

В этих условиях ученым приходилось не только работать – а самые элемен-тарные условия работы также практически отсутствовали – но и заботиться о своем пропитании и пропитании своих семей. Так, например, облаканный поз-же советской властью И. П. Павлов должен был сам добывать дрова и кормить семью с огорода, устроенного им на территории Института экспериментальной медицины, а его золотые медали были реквизированы во время неоднократных обысков⁴⁵.

⁴⁰ Романовский. «Притащенная» наука.

⁴¹ Ревякина И. А., Селезнева И. Н. Трудные дни российской науки.

⁴² Князев Г.А. Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции 1915 – 1922 гг. // Русское прошлое. 1991. № 2. С. 35.

⁴³ Подробнее см.: Романовский. «Притащенная» наука.

⁴⁴ Советская историческая энциклопедия / Под ред. Е.М. Жукова. М., 1973-1982.

⁴⁵ Батулин Ю. Здесь наука под защитой навечно // Новая Газета. 12 июля 2013. www.novayagazeta.ru/politics/59023.html. Последнее посещение 1 декабря 2016.

Статистика свидетельствует о том, что профессорам и университетской интеллигенции досталось больше других. По авторитетному мнению Питирима Сорокина, крупнейшего русского социолога, «смертность профессуры за 1918-1922 гг. была в шесть раз выше смертности мирного времени и вдвое выше смертности остального населения Петрограда в 1918-1922 гг.»⁴⁶. В своей другой работе он с горечью отмечает, что «в течение гражданской войны слой умственно квалифицированных лиц поредел катастрофически. 30-40 тыс. – вот минимальная цифра гибели людей этого рода, т.е. их погибло в шесть-семь раз больше, чем рядовой, умственно неквалифицированной массы. "Мозг и совесть" страны вымирал в колоссальном размере и продолжает вымирать...»⁴⁷. Он же свидетельствует о катастрофическом положении профессуры в те годы⁴⁸.

Академик М. И. Ростовцев, видный историк античности и археолог, бежавший из России в 1918 г., в своей статье «Наука в большевистской России», написанной в 1921 г., также рисует катастрофическую картину первых послереволюционных лет: «Почему ученые умирают от голода? Я не представляю здесь длинный список ученых, которые умерли от голода за последние три года. Их множество. Почему большевики не защищают ученых от убийств и арестов со стороны Чрезвычайной комиссии по всей России? Сколько талантливых русских ученых погибло ужасной смертью в Ростове, Киеве, Крыму, Москве! Почему многие из них покончили жизнь самоубийством? ...Почему сотни русских ученых, молодых и старых, убегают из России и живут жизнью просителей в Западной Европе, Японии, Китае и Америке? По моей статистике не менее трети ученых покинули Россию»⁴⁹.

Тем временем, ситуация продолжала ухудшаться. Ученые неоднократно пытаются донести до власти то бедственное положение, в котором оказалась российская наука. Так, в 1920 г. руководители РАН направляют записку в Совнарком,

⁴⁶ Сорокин П. Социология революции. М., 2008.

⁴⁷ Сорокин П. Современное состояние России // Новый мир. 1992. № 6.

⁴⁸ «Самыми ужасными в этом отношении годами для профессуры были 1918–1920 гг. Получая ничтожное вознаграждение, и то с опозданием в три-четыре месяца, не имея никакого пайка, профессура буквально вымирала от голода и холода. Смертность ее повысилась в 6 раз по сравнению с довоенным временем. Комнаты не отапливались. Не было ни хлеба, ни тем более других "необходимых для существования" благ. Одни в итоге умирали, другие не в силах были вынести все это – и кончали с собой. Так покончили известные ученые: геолог Иностранцев, проф. Хвостов и еще кое-кто. Третью унес тиф. Кое-кого расстреляли. Моральная атмосфера была еще тяжелее материальной. Немного профессоров найдется, которые не были бы хоть раз арестованы, и еще меньше, у кого несколько раз не производились бы обыски, реквизиции, выселение из квартиры и т.д., и т.д. Прибавьте к этому многообразные "трудовые повинности" в форме пилки дров, таскания тяжелых бревен с барж, колки льда, дежурства у ворот. Для многих ученых, особенно пожилых, все это было медленной смертной казнью. Так погибли акад. Шахматов, акад. Тураев и многие др.» См.: Сорокин П. Общедоступный учебник социологии: статьи разных лет. Ин-т социологии. М., 1994. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Sorokin/index.php. Последнее посещение 12 января 2015.

⁴⁹ Ростовцев М.И. Избранные публицистические статьи. 1906-1923: наука в большевистской России. М., 2002. С. 91.

в которой предельно сжато и прямо резюмируется, что «...если положение не изменится, то ясно, что [...] если одни из русских ученых погибнут в России жертвою ненормальных условий, то другие последуют примеру сотен своих товарищей, работающих и теперь плодотворно на мировую науку за пределами России...»⁵⁰.

Одновременно с этим ученые направляют правительству другую записку, где указывают «на неотложность ряда мероприятий для сохранения и поддержания научной работы»⁵¹. Они констатируют «тяжелые, часто невыносимые условия»⁵², в которых проводятся исследования и протекает жизнь научных сотрудников. Приведем некоторые подробности из этой записки, «из первых рук» описывающей ситуацию, в которой оказались ученые после революции.

Научные работники отмечают, что «лабораторная работа прерывалась иногда на целые месяцы за недостатком газа и электричества, механические мастерские и физико-технические исследования находились в полной зависимости от ничтожных периодов подачи электрической энергии. Всякое новое оборудование [...] наталкивалось на огромные затруднения не только вследствие отсутствия нужных веществ, но и благодаря канцелярской волоките»; «недостаточность отопления [...] создавали необходимость работать ученым при температурах, близких к нулю»; «прекратились почти все научные журналы». Особенно отмечается «недостаток питания и связанное с ним физическое истощение»⁵³.

Академики в очередной раз пытаются подчеркнуть в Записке особый характер труда ученого: «ни в одной другой области общественной деятельности внешняя обстановка личной работы не играет столь доминирующей роли, как в труде ученого. Ученый может работать увлеченно, спокойно и продуктивно лишь в условиях свободных, независимых, в условиях гарантии хотя бы элементарных прав на существование; его труды будут тем продуктивнее и значение работы будет тем больше, чем свободнее будет развиваться его мысль и независимее будут пути. Без неприкосновенности личности, в постоянной неуверенности за свое жилище, в навязчивых и тяжелых заботах о пропитании себя и семьи, свыше 50% его энергии уходит на борьбу с этими условиями и стеснениями»⁵⁴.

Выказывая понимание, что «все эти условия в значительной степени являются роковыми условиями всей русской жизни», ученые все же требуют от правительства осознать «государственное значение научной работы» и принять соответствующие и безотлагательные меры, иначе «стране угрожает гибель ее научных работников и уничтожение культурных достижений многих поколений»⁵⁵. Уче-

⁵⁰ Культурное строительство в РСФСР. 1917-1927. М., 1983. Ч. 1. С. 333, цит. по: Соболев В.С. Академия и власть. 1918-1930 // Вестник РАН. 1998. Т. 68. № 2. С. 176-182.

⁵¹ ПФАРАН Ф. 2. п. 1-1920. Д. 7. Л. 1-14, цит. по: Там же.

⁵² Там же.

⁵³ ПФАРАН Ф. 2. п. 1-1920. Д. 7. Л. 1-14, цит. по: Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

ные требуют, помимо прочего, «гарантии неприкосновенности личности научных деятелей, как свободных граждан, стоящих вне пределов гражданской борьбы», «поддержания физических сил ученых путем улучшения их питания и освобождения от бесцельного физического истощения трудовой и военной повинностями», к которым они, по собственному признанию, «не приспособлены и оказываются совершенно бесполезными»⁵⁶. По фактам, содержащимся в записке, и по всему ее тону становится ясно, что это последний отчаянный крик о помощи «перед лицом надвигающейся зимы с ее тяготами и лишениями»: ученые, находясь в бедственном положении, отваживаются на чрезвычайно смелые формулировки.

И действительно, ко времени написания записки ученым остается уже мало что терять: за три года после революции вследствие тяжелейших условий существования погибли сотни из тех, кто не пожелал эмигрировать. Списочный состав действительных членов Академии наук на начало 1917 г. насчитывал 37 человек. Хотя это число несколько увеличилось в последующие годы за счет вновь избранных академиков, академическое сообщество несло огромные потери за счет умерших от непосильных лишений ученых. За первые послереволюционные годы из всего списочного состава Академии, по подсчетам В. Соболева, погибло 12 человек⁵⁷, т.е. около трети всего состава (в том числе академики В. В. Радлов, Я. И. Смирнов, А. С. Фаминцын, В. В. Заленский, А. М. Ляпунов, М. А. Рыкачев, Е. С. Федоров, М. А. Дьяконов, А. А. Шахматов, И. С. Пальмов, совсем молодыми погибли академики А. С. Лаппо-Данилевский, Б. А. Тураев). К скорбному списку погибших необходимо добавить еще фамилии 11 почетных членов РАН и 35 фамилий ее членов-корреспондентов. В первые тяжелые послереволюционные годы на каждом (!) ежемесячном Общем собрании назывались фамилии 3-4 умерших ученых⁵⁸. По свидетельству Питирима Сорокина, «в силу всех этих условий ученые и профессора стали вымирать с такой быстротой, что, например, заседания совета университета превращались в перманентные "почитания памяти". На каждом заседании оглашались 5-6 имен отошедших в вечность. Раскройте VI и VII книги *Русского исторического журнала* – и вы увидите, что они почти сплошь состоят из некрологов»⁵⁹.

Однако и в этих условиях ученые продолжают работать. Впечатления Герберта Уэллса от его посещения советской России в этом же 1920 году рисуют сходную картину: «Наша блокада отрезала русских ученых от иностранной научной литературы. У них нет новой аппаратуры, не хватает писчей бумаги, лаборатории не отапливаются. Удивительно, что они вообще что-то делают. И все же они успешно работают: Павлов проводит поразительные по своему размаху и виртуозности

⁵⁶ ПФАРАН Ф. 2. п. 1-1920. Д. 7. Л. 1-14, цит. по: Там же.

⁵⁷ Соболев. Академия и власть. С. 176-182.

⁵⁸ Батулин Ю. Здесь наука под защитой навечно // Новая Газета. 12 июля 2013. www.novayagazeta.ru/politics/59023.html. Последнее посещение 3 декабря 2016.

⁵⁹ Сорокин. Общеизвестный учебник социологии.

исследования высшей нервной деятельности животных; Манухин, говорят, разработал эффективный метод лечения туберкулеза, даже в последней стадии. [...] Все они страстно желают получить научную литературу; знания им дороже хлеба»⁶⁰.

М. М. Новиков в своих воспоминаниях послереволюционных годов задается тем же вопросом: «Почему при всех ужасах советской жизни, в атмосфере полной личной необеспеченности, при отсутствии сносных квартир, при недостатке одежды, а часто и при полуголодном существовании русские научные исследования изобильно произрастают, а подчас отмечаются за границей как серьезные достижения?»⁶¹. Главная причина этому видится Новикову в особенности деятельности ученого: «научные изыскания обыкновенно так увлекают человека и настолько поглощают его внимание, что внешняя обстановка жизни отступает на второй план. Человек, погруженный в глубину научно-исследовательских интересов, живет как бы вне окружающего его мира. Естественно, что такой уход от ужасов реальной жизни в сферу чистого знания привлекает многих»⁶². Этот вывод Новиков делает отчасти и на основании собственного опыта. Прошедший через притеснения и арест и оставшийся в России в первые годы после большевистской революции ученый вспоминает, что его чувство тревожности «облегчалось [...] громадной академической и общественной нагрузкой»⁶³.

В своем анализе истории российской и советской науки известный американский советолог Лорен Р. Грэхэм делает в этой связи предположение, что «российская и советская наука, похоже, достигала наибольшего в наихудших политических условиях, тогда как с развитием демократических реформ в 1990-е годы, по всей вероятности, начинает увядать»⁶⁴, указывая на стимулирующий фактор давления со стороны власти. Однако стоит отметить, что важные открытия в русской и советской науке совершались всегда – не только в непростых политических условиях, как отмечает Грэхэм, но еще более в благоприятных, когда власть отказывалась от давления и жесткого контроля извне, возвращала необходимую ученым политическую и личную свободу, а воссоединение российской и мировой науки давало синергетический эффект. Более вероятным представляется, что большие научные открытия совершались российскими учеными во все времена вопреки, а не благодаря давлению режима, ведь они служили прежде всего науке и Родине, а не действующей власти.

Однако и здесь были исключения. В послереволюционной России стояла особняком немногочисленная группа ученых старой школы, идейно приветствовавших октябрьскую революцию и с энтузиазмом принявшихся работать на упрочение советской власти. Получившие образование и опыт работы в царской

⁶⁰ Уэллс. Россия во мгле.

⁶¹ Новиков. От Москвы до Нью-Йорка. С. 228.

⁶² Там же.

⁶³ Там же. С. 226.

⁶⁴ Грэхэм Л.Р. Очерки по истории российской и советской науки. М., 1998. С. 7.

России, они уже вследствие одного этого должны были относиться к группе «буржуазных» ученых, однако в силу своих убеждений совершенно не являлись таковыми. Ученые-марксисты, являясь научными специалистами высшей квалификации, сочетали в себе преимущества солидного образования, накопленного исследовательского и преподавательского опыта и, с другой стороны, своих политических убеждений, зачастую заставлявших их находиться в эмиграции до начала революционных событий в России.

Именно представителям российской дореволюционной политической эмиграции, в число которых входили и ученые, принадлежат идеи, вдохновлявшие российских революционеров, а также особая роль в разработке идеологии и программных положений зачастую нелегально действовавших в России оппозиционных правительству течений или партий⁶⁵, и, таким образом, одна из ведущих ролей в организации и проведении революции 1917 г. в России.

Вернувшись на Родину после свершившейся смены власти, они составили основу управленческого аппарата советского государства и активно участвовали в создании высших административных структур 1920-х гг.⁶⁶ В том числе, эти ученые заняли лидирующие руководящие позиции в советской науке и определяли образовательную политику высшей школы. Именно так, по наблюдению Н. Бердяева, «одна часть интеллигенции стала властью, другая же ее часть была выброшена за борт жизни»⁶⁷. Таким образом, после свершившегося большевистского переворота 1917 г. российская «революционная» научная эмиграция помещалась местами с российской «буржуазной» ученой элитой, принимавшей участие в управлении страной до революции, и вынужденной теперь, в свою очередь, переместиться в эмиграцию.

Ярким примером ученых – представителей российской революционной эмиграции является историк-марксист М. Н. Покровский, значительную часть своих дореволюционных трудов создавший в эмиграции во Франции. После возвращения в Россию Покровский стал в 1920-е гг. не только признанным лидером марксистской исторической школы в СССР и основоположником истории «советского» образца (Советская историческая энциклопедия отмечает, что Покровскому «принадлежит ведущая роль в становлении советской исторической науки, в воспитании первых кадров советских историков»⁶⁸), но и видным политическим деятелем, заместителем наркома просвещения РСФСР, организатором учебных заведений «нового образца» – Коммунистической Академии, Института Красной Профессуры, редактором нескольких исторических журналов в СССР и пр.

⁶⁵ Русская эмиграция до 1917 года – лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб., 1997.

⁶⁶ См. в т.ч.: Сорокина М.Ю. Российское научное зарубежье versus русская научная эмиграция: к определению объема и содержания понятия «российское научное зарубежье». http://www.rp-net.ru/book/articles/ezhegodnik/2010/04-Sorokina.php?sphrase_id=60229. Последнее посещение 19 ноября 2015.

⁶⁷ Бердяев. Размышления о русской революции.

⁶⁸ Советская историческая энциклопедия. М., 1961-1976. Т. 11. С. 254.

Этот по характеристике А. В. Луначарского «обворожительный герой революции» был не только теоретиком: Покровский напрямую участвовал в октябрьском революционном восстании 1917 г., позже принимал участие в разработке декретов Советской власти, был Членом Президиума ВЦИК, ЦИК СССР и имел множество других важных государственных постов и являлся, таким образом, важной ключевой фигурой и идеологом советского государства.

Еще один представитель российской революционной эмиграции – продолжительное время живший и работавший в Швейцарии и Италии А. А. Богданов – ученый с чрезвычайно разносторонними интересами – философ, психолог, экономист, литератор, ученый-естествоиспытатель. После революции он был членом ЦК РСДРП и идеологом Пролеткульта, но и не оставлял и своих научных интересов: так, он, помимо прочего, заложил основы новой науки тектологии, предвосхищающей некоторые идеи кибернетики, а также стал организатором первого в мире Института переливания крови.

Долгое время находившийся в эмиграции А. В. Луначарский – активный российский революционер-участник революции 1905 г. и октябрьской революции 1917 г., писатель, переводчик, публицист, критик, искусствовед, академик АН СССР, стал после революции активным государственным деятелем. Луначарский был долгое время первым наркомом просвещения РСФСР, затем, помимо прочего, председателем Ученого комитета при ЦИК СССР, директором НИИ литературы и искусства, редактором Литературной энциклопедии.

Именно такие высокообразованные люди, полностью поддерживающие советскую власть, стали для большевиков особенно ценным ресурсом. Их было невозможно найти в среде пролетариев и рабочих, они относились именно к дореволюционной дворянской и «буржуазной» интеллигенции. В том числе их силами происходило создание новых структур государства, образования и науки, именно они участвовали в развитии идеологии и в руководстве построением нового государства. Входя в высшее руководство Советской России, они являлись ее своеобразной визитной карточкой и были призваны, в числе прочего, поднимать имидж большевиков.

Так, например, А. В. Луначарский в качестве наркома просвещения сыграл важную роль в привлечении старой интеллигенции на сторону большевиков. По свидетельству Л. Д. Троцкого, «Луначарский был незаменим в сношениях со старыми университетскими и вообще педагогическими кругами, которые убежденно ждали от "невежественных узурпаторов" полной ликвидации наук и искусств. Луначарский с увлечением и без труда показал этому замкнутому миру, что большевики не только уважают культуру, но и не чужды знакомства с ней. [...] В повороте дипломированной и патентованной интеллигенции в сторону Советской власти Луначарскому принадлежит немалая заслуга»⁶⁹.

⁶⁹ Троцкий Л. Силуэты: политические портреты. М., 1991. С. 369.

Кроме научной интеллигенции, с восторгом или вследствие необходимости принявших советскую власть, существовала еще значительная группа ученых, продолжавших отстаивать свои идейные убеждения и отказывающихся кооперироваться с новой властью. И с какой настойчивостью большевики привлекали на свою сторону полезных им ученых, с такой же непримиримостью боролись против неугодных им интеллектуалов.

Вероятно, именно сплоченность русских ученых и их авторитет в обществе непосредственно перед революционными событиями 1917 г. заставили пришедших к власти большевиков разгромить их в первую очередь не столько как несогласных с новой властью ученых, но как людей, обладающих значительным общественно-политическим и научно-идеологическим потенциалом.

К началу 1920 г. в стране все еще оставалось значительное количество патристично настроенных ученых и профессуры, готовых даже в сложнейших условиях остаться на Родине и продолжить здесь работать. Учитывая тот факт, что значительное количество из них были политически активны и имели свою сложившуюся позицию, не всегда совпадавшую с позицией новой власти и ее планами по устройству новой советской интеллигенции, науки и высшей школы, их положение было довольно шатким: многие видные деятели науки жили под постоянной угрозой допросов, ареста, ссылок.

Однако даже это не останавливало оппозиционных властям ученых, которые продолжали не только работать, но и считали своим долгом активно участвовать в общественной и политической жизни страны, не скрывая своего мнения о власти большевиков. Особенно активно жизнь бурлила в университетах, в которых студенты и профессура «старой закалки» пытались противостоять отмене университетской автономии и всяческому ограничению научных свобод. Так, например, Н. Бердяев тогда открыто высказывался, что политика советской власти в области высшей школы «нарушает свободу науки и преподавания и стесняет свободу прежней философии»⁷⁰.

Большевикам, как никому другому, было известно, что университеты исторически являлись центрами оппозиционно настроенного к действующей власти студенчества и интеллигенции. Именно поэтому университеты практически сразу попали под пристальный контроль нового правительства, и вскоре кардинальный пересмотр учебных планов, перестройка целых кафедр, увольнение преподавателей, неугодных Минпросу, и тому подобные нововведения изменили университеты до неузнаваемости. Тем не менее, к началу 1920-х гг. в них еще оставались профессора «старой школы», влияние и авторитет которых сильно не устраивали большевиков, а вузовская автономия все еще оставляла ученым место для маневра в новой ситуации.

⁷⁰ Протокол допроса Бердяева Н. А. // Хрестоматия по истории России. 1917-1940 / Под ред. М.Е. Главатского. М., 1994. С. 260-262.

Именно поэтому в начале 1920-х гг. большевики активно взялись за планомерное подавление автономии университетов. Помимо прочего, утвержденное Совнаркомом осенью 1921 г. новое «Положение о вузах» позволило большевикам сместить большинство выборных ректоров вузов (в т.ч., например, ректора МГУ М. М. Новикова, впоследствии высланного из России в 1922 г.). Это повлекло за собой острую реакцию со стороны университетов: начиная с осени 1921 г. профессорские забастовки прокатились волной по всей России, и охватили вузы Москвы, Петрограда, Казани и других крупных городов.

Попытка профессуры отстоять автономию высшей школы была чрезвычайно враждебно принята большевиками. Забастовки рассматривались ими как один из «методов борьбы с советской властью»⁷¹ и поэтому имели для ученых далеко идущие последствия. После того, как новой власти стало ясно, что запугать и заставить молчать оставшихся активных оппозиционно настроенных к ней ученых не представляется возможным, а физическое уничтожение знаменитых за границей светил науки пагубно скажется на имидже большевиков, решено было прибегнуть к высылке оппозиционного ученого сословия за пределы России. Эта кампания, продолжавшаяся с 1922 по 1923 г., стала еще одним методом борьбы советской власти с непокорной интеллигенцией, ведущейся в т.ч. с целью «расчищения места» для советской интеллектуальной элиты, профессуры и ученых «нового образца».

Пожалуй, самой громкой из всех высылок интеллигенции в этот период является изгнание из России цвета русской ученой мысли, вошедшая в историю под названием «Философских пароходов». Такое собирательное название появилось для двух рейсов немецких кораблей «Oberbürgermeister Naken» и «Preußen», доставивших осенью 1922 г. из Петрограда в немецкий Штеттин цвет русской философии, как-то: Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, С. Н. Булгакова, Н. О. Лосского, И. А. Ильина, Л. П. Карсавина, Б. П. Вышеславцева и других. Пассажирами этих пароходов стали представители и других наук: историки А. А. Кизеветтер, А. В. Фроловский, В. А. Мякотин, С. П. Мельгунов, социолог П. А. Сорокин, биолог и ректор Московского университета М. М. Новиков, математик В. В. Стратонов и многие другие.

Всего тогда из России без суда и следствия было выслано около 200 крупнейших ученых, писателей, общественных деятелей. Именно эти люди, имеющие потенциально высокое влияние в обществе, были способны, по мнению большевиков, изменить общественное мнение не в их пользу.

Высылка ученых была далеко не спонтанна: работа по подготовке этого процесса и списков самих высылаемых велась тщательно и на самом высоком уровне, с директивами, исходящими напрямую от Ленина. То, насколько серьезно к этому вопросу относился Ленин, ярко иллюстрирует его переписка, относя-

⁷¹ Протокол допроса Бердяева Н. А. // Хрестоматия по истории России. 1917-1940 / Под ред. М.Е. Главатского. М., 1994. С. 260-262.

шаяся к 1922 г., а также написанная им в этом же году программная статья «О значении воинствующего материализма». Ленин персонально контролировал процесс подготовки и осуществления высылки неугодной большевикам профессуры несмотря на то, что уже тяжело болел. Отличительная особенность старой русской интеллигенции, которая «была у нас идеологической, а не профессиональной и экономической группировкой»⁷², как писал русский философ Н. Бердяев, сам один из пассажиров «Философского парохода», была, вероятно, очевидна для Ленина, самого принадлежавшего к ее кругу. Однако идеологами в советской России дозволялось быть только большевикам, они также не нуждались ни в критике, ни в дискуссиях.

Именно поэтому возобновившаяся после революции научная и общественная деятельность особенно русских философов-идеалистов не могла не привлекать внимания большевиков. Помимо прочего, в 1918 г. Н. Бердяев открывает в Москве Вольную академию духовной культуры, где читает лекции для ее слушателей вместе с А. Белым, Б. Вышеславцевым, С. Франком, В. Ивановым, Ф. Степуном, а также устраивает открытые чтения в Политехническом музее для всех желающих. В 1919 г. в Петрограде А. Белым, А. Блоком, Н. Лосским и Л. Шестовым была основана Вольная философская ассоциация, а при активном сотрудничестве П. Сорокина восстановилось Социологическое общество. В 1921 г. при Петроградском университете возобновляет свою работу Философское общество. Помимо этого, русские философы активно издают свои труды, продолжают выходить их газеты и журналы⁷³.

Известно, что кремлевская библиотека Ленина содержала, помимо прочего, труды русских философов-идеалистов Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, И. А. Ильина, Л. П. Карсавина, И. И. Лапшина, П. И. Новгородцева, Ф. А. Степуна, Е. Н. Трубецкого, С. Л. Франка⁷⁴, многие из которых впоследствииполнили списки на высылку. Ленин помимо этого дает указание «обязать членов Политбюро уделять 2-3 часа в неделю на просмотр ряда изданий и книг [...] всех некоммунистических изданий»⁷⁵.

Профессорская забастовка 1921-1922 гг., начатая профессорами МВТУ⁷⁶ и распространившаяся затем по всей стране, подтолкнула Ленина к тому, чтобы окончательно сформулировать свою стратегию по отношению к «контрреволюционной» профессуре и предпринять конкретные шаги по ее нейтрализации. Первой реакцией на забастовку стала рекомендация Ленина уволить профессоров МВТУ – зачинщиков забастовок: он обращается к Каменеву и Сталину с предложением «...уволить 20-40 профессоров обязательно. Они нас дурачат. Об-

⁷² Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 17.

⁷³ Коган Л.А. Выслать за границу безжалостно // Вопросы философии. 1993. № 9.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Ленин – Дзержинскому 19.05.1922 г. // Ленин. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 266. Цит. по: Коган. Выслать за границу безжалостно.

⁷⁶ Московское высшее техническое училище.

думать, подготовить и ударить сильно»⁷⁷. Следующим шагом стала разработка Лениным списков на высылку из страны, в которые в 1922 г. были включены около 20 членов объединенного Совета профессоров Петрограда (в действительности выслано около 10) и четыре профессора МВТУ (высланы лишь двое)⁷⁸.

Высылка как мера борьбы против «контрреволюционной» интеллигенции предлагается Лениным в его программной статье от 12 марта 1922 г. «О значении воинствующего материализма», в которой Ленин сетует, что «рабочий класс в России сумел завоевать власть, но пользоваться ею пока еще не научился, ибо в противном случае он бы подобных преподавателей и членов ученых обществ давно бы вежливенько препроводил в страны буржуазной "демократии"»⁷⁹.

Осуществление задуманной высылки Ленину было важно провести осторожно и продуманно. Так, он пишет Дзержинскому: «К вопросу о высылке за границу писателей и профессоров помогающих контрреволюции. Надо это подготовить тщательнее. Без подготовки мы наглупим»⁸⁰. Таким образом, после основательной проработки этого вопроса первыми лицами государства в августе 1922 г. был принят декрет ВЦИК об административной высылке за границу «лиц, причастных к контрреволюционным выступлениям», подготовлены официальные списки высылаемых из Петрограда, а осенью 1922 г. операция «Философский корабль» была проведена. Эта акция не была одноразовой, в течение 1922-1923 гг. помимо этого было выслано множество российских ученых и интеллигенции из разных уголков страны – особенно пострадали при этом кроме Петрограда Москва и Киев.

Помимо непосредственного избавления от инакомыслящих, акция «философский пароход» преследовала еще одну важную цель. В начале 1920-х гг. перед правительством большевиков остро встала проблема признания Советской России на международной арене. Высылка всемирно известных ученых была для них еще и шансом продемонстрировать всему миру «гуманность» советской власти. Лев Троцкий говорит в своем интервью, обращенном за границу: «Те элементы, которые мы высылаем или будем высылать [...] сами по себе политически ничтожны. Но они – потенциальные орудия в руках наших возможных врагов. В случае новых военных осложнений [...] все эти непримиримые и неисправимые элементы окажутся военно-политической агентурой врага. И мы будем вынуждены расстреливать их по законам войны. Вот почему мы предпочитаем сейчас, в спокойный период, выслать их заблаговременно. И я выражаю надежду, что вы

⁷⁷ Письмо В. И. Ленина Л. Б. Каменеву и И. В. Сталину от 21 февраля 1922 г. // Ленин. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 177.

⁷⁸ Хрестоматия по истории России. С. 260-262.

⁷⁹ Ленин. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 33.

⁸⁰ Ленин – Дзержинскому 19.05.1922 г. // Ленин. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 266. Цит. по: Коган. Выслать за границу безжалостно.

не откажетесь признать нашу предусмотрительную гуманность и возьмете на себя ее защиту перед общественным мнением»⁸¹.

Таким образом, высылка являлась одновременно и способом проявить «гуманизм» Советской власти, и избавиться от ненужной, и – более того – опасной интеллигенции насовсем. Тем не менее, выслав этих людей за пределы России, большевики расписались в своем понимании их угрозы для нового строя и одновременно в своей бессилии совладать с ними. Все попытки запугать этих несгибаемых людей, повлиять на их убеждения потерпели неудачу, а физическое уничтожение, применявшееся советской властью в других случаях, было в этом случае неприменимо вследствие широкой известности большинства ученых за пределами России.

Расчет большевиков оказался точен. Хотя многие из высланных продолжили свои труды за границей, оказать влияние на происходящее в России они уже не смогли. С их отъездом Россия потеряла значительную часть старой научной элиты. Тех ученых, которых большевики называли «ничтожными», в сегодняшних учебниках называют великими мыслителями своего времени. Лишь спустя десятилетия их труды были по достоинству оценены на Родине.

Кроме принудительных высылки, ученые покидали страну и по собственной инициативе, спасаясь бегством от диктатуры большевиков, от неустроенного быта и в поисках благоприятных условий для продолжения своей работы. Какое количество российских ученых оказалось в эмиграции после большевистской революции и гражданской войны, точно подсчитать не представляется возможным, можно лишь попытаться оценить масштаб этого исхода.

Так, общее количество эмигрировавших после революции 1917 г. оценивается, например, в 1,5-2 млн. чел.⁸² в ставшем классическим анализе миграций «Войны и миграции. Всемирная история как движение народов» 1932 г. братьев Кулишер, которые сами были современниками событий и эмигрировали после революции. Современные российские исследователи обычно оценивают эмиграцию первой волны приблизительно в том же диапазоне – 1,5-3 млн. человек⁸³. Известная аме-

⁸¹ Тов. Троцкий об отношении Европы и Америки // Известия. 30 августа 1922. С. 1.

⁸² Kulischer A., Kulischer E. Kriegs- und Wanderzüge: Weltgeschichte als Völkerbewegung. Berlin, Leipzig, 1932.

⁸³ См., напр.: Золотая книга эмиграции. Первая треть XX в. // Энциклопедический биографический словарь / Под общ. ред. В.В. Шелохаева. М., 1997. <http://lib.druzya.org/enciklopedia/view-emigrate.txt.full.html>. Последнее посещение 4 декабря 2014. Золотая книга эмиграции отмечает, что по самым приблизительным подсчетам, в первую волну эмиграции за рубежом оказалось около 2 млн. российских подданных. Барихновский Г.Ф. Идеино-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921-1924). М., 1978. С. 15; Семанов С.Н. Ликвидация антисоветского кронштадтского мятежа в 1921 г. М., 1973. С. 123; Пивовар Е., Герасимова И. и др. Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х гг.: гражданские беженцы, армия, учебные заведения. М., 1994. С. 12, со ссылкой на: РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 730. Л. 208, 251 об.; Ф. 109. Оп. 3. Д. 236. Л. 182; Д. 368. Л. 8 об; Кабузан В.М. Русские в мире: динамика численности и расселения (1719-1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб., 1996. С. 230.

риканская советолог Ш. Фицпатрик, напротив, намного более осторожна в своей оценке и дает лишь нижнюю границу количества уехавших: «из России к концу Гражданской войны выехало не менее миллиона русских»⁸⁴. Она также обращает внимание на ключевую, по нашему мнению, характеристику этой эмиграции: эмигрировали «в основном представители тонкого слоя ее образованной элиты»⁸⁵. Действительно, русская эмиграция первой волны являлась прежде всего эмиграцией элит, а, значит, и количество уехавшей интеллигенции (среди которых и ученые) насчитывало около миллиона человек.

Что же касается данных непосредственно по уехавшим представителям ученого сословия, то, например, по данным Советской исторической энциклопедии в эмиграции к 1931 г. находилось «до 500 буржуазных ученых» из России⁸⁶, однако эта цифра является, безусловно, заниженной. Более уместной будет оценка «примерно 500 *крупных* (курсив мой – Е. К.) ученых»⁸⁷, отъезд которых повлек за собой перемещение за рубеж целых научных школ, и которые возглавили за рубежом кафедры и целые научные направления (примерами могут служить отъезд С. Н. Виноградского, В. К. Агафонова, К. Н. Давыдова, П. А. Сорокина и многих других). Факт невозможности подсчитать точное количество покинувших большевистскую Россию ученых отмечает абсолютное большинство современных исследователей, занимающихся этой темой⁸⁸. Тем не менее, с уверенностью можно утверждать, что Россию покинула значительная часть русского научного сообщества. Причем были среди них как уже состоявшиеся маститые ученые с мировым именем, так и молодые, подающие большие надежды ученые, сделавшие себе имя уже в эмиграции.

Стоит, однако, заметить, что количество эмигрировавших ученых не является идеальным показателем оценки потеряннного для страны интеллектуального потенциала, хотя и дает представление о его масштабе. Намного более значимой является научная величина эмигрирующих ученых, ведь научное сообщество неоднородно, и состоит как из научных работников, выполняющих рутинную исследовательскую работу, так и из крупных ученых, совершающих революционные научные открытия, за счет которых наука и делает качественные рывки вперед. При этом последняя группа является, как правило, намного малочисленнее, чем первая. К ней можно отнести, например, видных ученых – основателей

⁸⁴ Фицпатрик Ш., Людтке А. Заряжая энергией повседневность: социальные связи при нацизме и сталинизме // За рамками тоталитаризма: сравнительные исследования сталинизма и нацизма / Ред. М. Гейер, Ш.М. Фицпатрик. М., 2011. С. 354.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ СИЭ. Т. 16. М., 1976. С. 498.

⁸⁷ Жуковская Д. Причины и судьбы эмиграции после революции 1917 г. http://www.historicus.ru/sudba_emigratsii/. Последнее посещение 23 апреля 2015.

⁸⁸ Так, например, Э. Колчинский отмечает, что общее количество научных специалистов, бежавших / уехавших / эвакуированных из России в период 1917–1921 гг., остается до сих пор неизвестным (см.: Колчинский Э.И. Наука и эмиграция: судьбы и цифры // Зарубежная Россия. 1917–1939 гг. Сб. ст. СПб., 2003. Кн. 2. С. 165–166), с ним соглашается и М. Сорокина (см. Сорокина. Российское научное зарубежье versus русская научная эмиграция).

научных школ и новых направлений науки. Причем на момент отъезда из страны они могли быть как уже известными, так и лишь молодыми одаренными учеными, чей талант полностью раскрылся уже в условиях эмиграции. Отъезд всего нескольких ученых из этой категории может нанести непоправимый урон целому научному направлению. Поэтому в целях оценки ущерба от эмиграции для отечественной науки целесообразнее, вероятно, не заниматься простым подсчетом количества уехавших ученых, а анализировать ситуацию в отдельных областях науки после их отъезда, сопоставляя ее с успехами русской научной мысли в эмиграции.

Так, ученые определенной специализации после октябрьской революции были вынуждены покидать Россию в массовом порядке – вспомним, например, «философские пароходы». Кроме этого, страну покинули очень многие историки и экономисты старой школы. Также, например, как пишет М. Сорокина, Россию покинули все (!) научные специалисты в ранге докторов и профессоров международного права⁸⁹. При этом сильно пострадали не только гуманитарные науки. По оценке того же автора, из России уехало около трети персонального состава представителей инженерного и медицинского сообществ⁹⁰. Д. Сапрыкин, в свою очередь, оценивает потери количественного состава российских ученых и инженеров в послереволюционный период в три четверти от всего их состава и отмечает, что в «высокотехнологичной» сфере между 1917 и 1925 гг. потери составляли даже от 70 до 90 (!) процентов наиболее квалифицированных кадров⁹¹.

После подобных массовых отъездов традициям этих отраслей отечественной науки наносился непоправимый ущерб. Нередки были случаи, когда видные ученые, основатели научных школ, уезжавшие за границу, увозили с собой всю научную школу с наработанными традициями. После революции ряд дисциплинарных направлений науки вследствие массового отъезда и гибели ученых буквально опустел, поставив под угрозу существование целых отраслей науки в России, а кадровая ситуация в университетах и научных учреждениях приблизилась к катастрофической.

Общий баланс этого времени для российской науки таков: результатом смены строя в стране, гражданской войны и ее лишений, и в особенности уничижительной политики большевиков к ученым старой школы в период между 1917-1921 гг. явился масштабный исход интеллигенции и ученых из страны – говоря современным языком, произошла массивная утечка мозгов.

Эмиграция выдающихся российских ученых, начавшаяся в первую пятилетку после октябрьской революции 1917 г., не прекращалась и долгое время после нее. Со временем ко многим ученым, не уехавшим сразу, приходило осознание бесперспективности работы при новом режиме, становилось все более нестер-

⁸⁹ Сорокина. Российское научное зарубежье versus русская научная эмиграция.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Сапрыкин Д.Л. Образовательный потенциал Российской Империи. М., 2009. С. 47-48. <http://www.ihst.ru/files/saprykin/book-education-pote.pdf>. Последнее посещение 1 декабря 2016.

пимым ущемление их исследовательских интересов и ограничение гражданских прав и свобод, и они стремились всеми способами покинуть СССР, чтобы продолжить работу за рубежом.

Так, с середины 1920-х – начала 1930-х гг. многие ученые навсегда покидали СССР, используя для своего «бегства» (а именно такой характер приобретали эти отъезды) все еще имеющиеся возможности зарубежных командировок, международных конференций и симпозиумов. Таким способом покинули СССР, например, ректор Горной академии Д. Н. Артемьев, математик и астрофизик В. А. Костицын, физик-теоретик Г. А. Гамов, и некоторые другие видные ученые.

Многие из них не желали навсегда рвать связь с Родиной, ставя перед собой цель работать за границей, свободно посещать научные конгрессы во всем мире, но при этом и иметь возможность беспрепятственно посещать СССР. Однако для большинства советских ученых такой режим работы был недостижим. Так, например, Гамов после своего невозвращения с научного конгресса в Европе хлопотал о продлении научной командировки и сохранения советского паспорта, что успехом не увенчалось.

Судьба крупных ученых по-прежнему решалась в индивидуальном порядке, и, пожалуй, главным определяющим фактором была их известность и нужная специализация, из чего вытекала «полезность» для советской власти. При наличии последней политические убеждения ученых отходили на второй план, им разрешалось не только выезжать за рубеж, но и работать за границей, сохраняя советский паспорт, и свободно посещать СССР⁹², а в отдельных случаях даже открыто высказывать свое мнение о реалиях советской власти⁹³.

Отъезды известных ученых, ставших почти массовым явлением, получили большой общественный резонанс, так что власти отреагировали на это жестким образом. Так, Академия Наук СССР уже в 1927 г. вынужденно ввела в свой устав пункт об исключении из нее членов с формулировкой «ввиду утраты связи с АН

⁹² К ним в разные годы относились, например, видный физик, академик, а позже лауреат Нобелевской премии П. Л. Капица, академик В. И. Вернадский и славист Н. Н. Дурново, генетик Н. В. Тимофеев-Ресовский. Однако среди них были и такие, которых советская власть впоследствии принудительно оставляла в СССР. Так случилось, например, с академиком П. Л. Капицей (см.: Есаков В.Д. Почему П. Л. Капица стал невыездным // Вестник РАН. 1997. № 6. С. 543-553), или с Н. В. Тимофеевым-Ресовским (см.: Бабков В.В., Саканян Е.С. Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский: 1900–1981. М., 2002).

⁹³ Так, например, академик Павлов – один из немногих, который мог свободно критиковать действующий порядок, – пишет в 1931 г. Бухарину: «Революция для меня – это действительно что-то ужасное по жестокости и насилию, насилию даже над наукой; ведь один ваш диалектический материализм по его теперешней жизненной постановке ни на волос не отличается от теологии и космогонии инквизиции». см. СПФ АРАН. Ф. 259. Оп. 1а. Ед.хр. 42. Цит. по: Самойлов В.О. О патриотизме и диссидентстве Павлова // Природа. 1999. № 8. В 1934 г. в письме в СНК тов. Молотову Павлов обличает советскую власть: «Вы напрасно верите в мировую пролетарскую революцию. [...] Вы сеете по культурному миру не революцию, а с огромным успехом фашизм. До Вашей революции фашизма не было». См. АПРФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 180. Л. 47-50. Автограф. цит по: Пощадите же родину и нас: протесты академика И. П. Павлова против большевистских насилий // Источник. 1995. № 1(14). С. 138-144.

СССР»⁹⁴. Это положение было практически сразу, в 1928 г., применено на практике для исключения из своих рядов нескольких академиков и членов-корреспондентов, покинувших Россию после Октябрьской революции (в этот список входили, например, академик, антиковед М. И. Ростовцев, академик, филолог-славист В. А. Францев, член-корреспондент, историк церкви Н. Н. Глубоковский и др.), и широко использовалось и в дальнейшем для воздействия на «сбежавших» ученых. Например, в 1936 г. из Академии наук после невозвращения из заграничной командировки были исключены химики В. Н. Ипатьев и А. Е. Чичибабин, по той же причине в 1938 г. из числа членов-корреспондентов АН СССР был исключен Г. А. Гамов.

Ученые не только лишались членства Академии наук, чем, по мнению советской власти, компрометировались в профессиональной среде. Помимо этого, им присваивали юридический статус «невозвращенца»⁹⁵ и лишали гражданства, что обрекало ученых на безвозвратный отрыв от Родины, чего абсолютное большинство из них категорически не желало. Так советская власть продолжала бороться с неугодными ей учеными и многие годы спустя после революции.

Но как же сложилась дальнейшая карьера ученых, обладавших «нужной» для нового социалистического государства специализацией и знаниями, которые приняли решение остаться в советской России и согласились сотрудничать с новой властью, с теми, кто поднимал народное хозяйство страны и работал над прочими прикладными задачами, которые ставила перед ними советская власть? И, напротив, что произошло с учеными, вынужденно или добровольно покинувшими Россию, в эмиграции? Несколько примеров того, как сложились их судьбы, позволяют нам выявить некоторую закономерность.

Бывший царский приват-доцент, а в советской России – академик Н. И. Вавилов был выдающимся ученым-биологом и селекционером. Работа Вавилова имела, помимо прочего, огромное значение в становлении советских научных учреждений аграрного комплекса. Он стал также одним из основоположников советской генетики. Крупный ученый – помимо прочего академик АН СССР и АН УССР, президент ВАСХНИЛ, директор Всесоюзного института растениеводства и Института генетики АН СССР, директор Всесоюзного географического общества, – он был известен не только в СССР, но и обладал всемирным признанием, был членом множества зарубежных академий и научных обществ по всему миру⁹⁶.

Вавилов всю свою работу посвятил борьбе с голодом – насущной проблеме, периодически угрожавшей стране катастрофой. С помощью новых сортов растений с улучшенной урожайностью, повышенной устойчивостью к паразитам и

⁹⁴ Сорокина. Российское научное зарубежье versus русская научная эмиграция.

⁹⁵ Статус «невозвращенца» был закреплен постановлением ЦИК СССР от 21 ноября 1929 г. и присваивался гражданам СССР, работавшим за границей и «перебравшимся в лагерь врагов рабочего класса и крестьянства», отказываясь вернуться в СССР.

⁹⁶ Поповский М. Дело академика Вавилова. М., 1991.

болезням и способностью плодоносить на любых почвах и в суровом климате ученый создавал основы продовольственной безопасности СССР и всего мира. Вавилов по всему миру собирает семена культурных и диких растений из мест их изначального произрастания, постепенно составляя одну из крупнейших в мире коллекций посевного материала, уникальную по своему генетическому материалу и биологическому разнообразию. Коллекция Всесоюзного института растениеводства уже при жизни ученого содержала семена растений, исчезнувших у себя на родине⁹⁷.

Вавилов не просто собирал коллекцию растений, а систематизировал этот процесс, научно обосновав идею «мобилизации растительных ресурсов – поисковой работы, направленной на овладение растительными богатствами Земли»⁹⁸. В основу своей обширной коллекции Вавилов закладывает «идею ботанической географии, идею эволюции растительного мира, последовательности этапов, изменчивости в пространстве и во времени, свойственной культурным и диким растениям»⁹⁹.

Всемирную известность Вавилову приносит его закон «гомологических рядов» в наследственной изменчивости – своего рода «периодическая система Менделеева для растений», выявляющая закономерности их изменчивости и имеющая, помимо прочего, огромное практическое значение для выведения новых сортов и систематизации существующего многообразия растительного мира.

Огромные достижения гениального ученого не спасают его от репрессий. Вследствие активного неприятия идей псевдо-академика Т. Д. Лысенко, любимца Сталина, обещавшего, в отличие от Вавилова, руководству страны невиданные урожаи в кратчайшие сроки, Вавилов в 1940 г. был арестован в ходе кампании против ученых-генетиков по сфабрикованному обвинению в антисоветской вредительской деятельности и шпионажу.

Приговоренный к высшей мере наказания, Вавилов из камеры пишет наркому НКВД Л. П. Берия: «Перед лицом смерти как гражданин СССР и как научный работник считаю своим долгом заявить, [...] что я никогда не изменял своей Родине ни в помыслах, ни делом, не причастен к каким-либо формам шпионской работы, контрреволюционной деятельности, посвятив себя всецело научной работе. Все мои помыслы – продолжать и завершить достойным для советского

⁹⁷ На сегодняшний момент в коллекции Всероссийского института растениеводства, нетронутой даже во времена блокады Ленинграда, уже почти половина образцов – семена растений, которые больше не растут на Земле. См.: Литвинцев Д. Победить голод // GEO. 2013. № 4. С. 138-149.

⁹⁸ Вавилов Н.И. Пять континентов. М., 1987. Там же Вавилов пишет: «Уже с первых лет наших исследований в области растениеводства нам стала совершенно ясной необходимость широкого подхода к мобилизации растительных ресурсов в целях их правильного использования для улучшения существующих культур и сортов. [...] Вскоре для нас стал совершенно очевиден случайный характер европейских коллекций, отсутствие какой-либо единой идеи в привлечении материала. Логически стало необходимым исследование растительных ресурсов Земли в их эволюции, в их расхождении из начальных очагов».

⁹⁹ Там же.

ученого образом большие недоконченные работы на пользу советскому народу, своей Родине. [...] Мне 54 года, имея большой опыт и знания, в особенности в области растениеводства, владея свободно главнейшими европейскими языками, я был бы счастлив отдать себя полностью моей Родине, умереть за полезной работой для моей страны»¹⁰⁰.

В 1942 г. Лондонское королевское общество избирает находящегося в камере смертников и лишившегося всех своих постов Н. И. Вавилова своим иностранным членом за выдающийся вклад в науку. И хотя вскоре после этого смертный приговор заменен Вавилову на 20 лет лишения свободы ввиду возможности его использования на работах, имеющих «серьезное оборонное значение»¹⁰¹, это уже не может помочь знаменитому ученому вернуться к работе. В январе 1943 г. 55-летний Вавилов погибает в тюрьме в самом расцвете ученой карьеры от болезни и истощения. В СССР труды репрессированного Вавилова долгое время считались «антинаучными», в то время как результаты его исследований по генетике и селекции растений широко использовались во всем мире. Советская генетика в результате тотальных на нее гонений оказалась отброшенной на много лет назад.

Как и Вавилов, В. Н. Ипатьев, величайший ученый-химик своего времени, начал свою карьеру в царской России, где совмещал военную службу с работой в химической лаборатории Михайловской артиллерийской академии, где с 1899 г. становится профессором. Во время Первой мировой войны Ипатьев был председателем Химического комитета Главного артиллерийского управления русской армии, который под его руководством сумел наладить стратегически важное производство взрывчатых и горюче-смазочных веществ для армии. За свои заслуги Ипатьев был произведен в генерал-лейтенанты и удостоен множества орденов.

После большевистской революции Ипатьев, оставаясь приверженцем конституционной монархии, хотя и не принял революцию, однако сразу встал на путь сотрудничества с новой властью. В советской России он возглавил организацию научной работы в области химии и одновременно занялся восстановлением и расширением химического производства в стране. По словам Ленина, Ипатьев был «главой нашей химической промышленности»¹⁰². Ипатьев был членом президиума ВСНХ и Госплана СССР, при этом продолжая проводить исследования, публиковать свои научные труды и популяризировать химию.

Несмотря на все свои заслуги, к концу 1920-х гг. Ипатьев под влиянием участвовавших репрессий против ученых – своих ближайших коллег – и чисток в

¹⁰⁰ Письмо Н. И. Вавилова к Л. П. Берия от 25.04.1942. Цит. по: Тузова Р.В., Ковалев Н.А. Молекулярно-генетические механизмы эволюции органического мира: генетическая и генная инженерия. Минск, 2010.

¹⁰¹ ЦА ФСБ России. № Р-2311. Т. 1. П. 464. Машинопись. Цит. по: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/document/vavilov/124.htm>. Последнее посещение 15 ноября 2016.

¹⁰² Российская научная эмиграция: двадцать портретов / Под ред. Г.М. Бонгард-Левин, В.Е. Захаров. М., 2009. С. 191.

промышленности перестал чувствовать себя в безопасности и принял непростое для себя решение эмигрировать. Позже в своих мемуарах Ипатьев так напишет об этом: «у меня самого в душе до конца моей жизни останется горькое чувство: почему сложились так обстоятельства, что я, все-таки, принужден был остаться в чужой для меня стране, сделаться ее гражданином и работать на ее пользу в течении последних лет моей жизни?»¹⁰³.

В 1930 г. получив отпуск для лечения за границей, Ипатьев с женой не вернулся в СССР, обосновавшись сначала в Европе, а затем перебравшись в США. Несмотря на всю горечь изгнания, Ипатьев продолжил свою блестящую научную карьеру в Америке, где совершил несколько прорывных открытий в различных областях химии. Так, Ипатьев считается одним из основателей нефтехимии в США. Открытиями в этой области, прославившими его, стали каталитический крекинг, который увеличивал выход бензина при переработки нефти, и высокооктановый бензин, в том числе увеличивавший скорость транспортных средств, что, как считается, обеспечило американской авиации преимущество во Второй мировой войне¹⁰⁴, а также технология производства полимеров и пластмасс. В 1939 г. Ипатьева избирают членом Национальной академии наук США. Ученый продолжал активно публиковать свои научные труды (их у него насчитывается около 500) и патентовать свои изобретения на их основе (более 250 патентов) в производстве и экологической практике¹⁰⁵. В СССР Ипатьев, до конца своих дней мечтавший о возвращении на Родину, в 1936 г. был исключен из числа академиков АН СССР, в 1937 г. лишен советского гражданства, а все его книги были изъяты из употребления на долгие годы.

Гениальный ученый-экономист Н. Д. Кондратьев ставил целью своей научной работы поднятие народного хозяйства страны после войны и революции, и в том числе занимался, как и Вавилов, решением продовольственного вопроса. Обладаящему «пролетарским происхождением» Кондратьеву – выходцу из крестьян, удалось получить образование, и благодаря своим выдающимся способностям начать научную карьеру. Политически активный ученый, состоявший в партии эсеров, он сначала не принимает октябрьскую революцию и участвует в подпольной работе Временного правительства. Однако вскоре после вытеснения эсеров из власти большевиками Кондратьев оставляет политику и концентрируется исключительно на научной деятельности, начав сотрудничать с новой властью.

Несмотря на это, в 1922 г. Кондратьев, на тот момент профессор, директор Конъюнктурного института при Наркомфине, начальник управления экономики и планирования сельского хозяйства Наркомзема, был включен в список лиц на высылку из советской России и должен был стать одним из пассажиров «фило-

¹⁰³ Ипатьев В.Н. Жизнь одного химика. Воспоминания. Том 2: 1917-1930. Нью-Йорк, 1945. С. 484.

¹⁰⁴ Российская научная эмиграция. С. 201.

¹⁰⁵ Там же.

софского парохода». Но по ходатайству в Политбюро ЦК РКП(б) в связи с ценностью его работы для Наркомзема¹⁰⁶ Кондратьев был исключен из списка высылаемых, и остался с энтузиазмом работать на благо России.

Помимо прочего, Кондратьев работал над теоретической подоплекой НЭПа, а в дальнейшем трудился в Госплане и разрабатывал первый пятилетний план по развитию сельского хозяйства в СССР, позволивший советской деревне восстановиться после гражданской войны. Во всем мире ученый стал знаменит благодаря своей теории больших циклов конъюнктуры, известной в мировой науке под названием «волны Кондратьева», которое ей дал один из крупнейших экономистов XX века И. Шумпетер. Однако в СССР «кондратьевщина» была объявлена «идеологией кулачества», способствующей «реставрации капитализма». В 1930 г. Кондратьев был арестован, приговорен к 8 годам тюремного заключения по сфабрикованному делу об основании подпольной «Трудовой крестьянской партии» и расстрелян в 1938 г. в разгаре сталинских репрессий.

Помимо «философского парохода», у Кондратьева была еще как минимум одна возможность остаться работать за границей. В 1924 г. он с женой едет в годичную научную командировку в США, Канаду, Великобританию и Германию. Во время пребывания в США его давний друг Питирим Сорокин, другой пассажир «философского парохода», высланный из России в 1922 г., предлагает Кондратьеву остаться в США, однако последний отказывается¹⁰⁷, видя перед собой большой фронт работ на Родине.

Что же касается друга Кондратьева, П. А. Сорокина, жизнь его сложилась совсем по-другому. В судьбе двух этих крупных российских ученых присутствует множество параллелей до одного судьбоносного момента в их биографии – когда один из них остается на Родине, а другой оказывается в эмиграции. Именно это определяет разницу всей их дальнейшей жизни и карьеры.

Крупный ученый-социолог и культуролог П. А. Сорокин, как и Кондратьев, начал свой путь в науку, будучи выходцем из крестьян. Их дружба началась еще в семинарии, во время обучения в которой они оба вступают в партию эсеров, а затем вместе отбывают тюремное заключение за революционную деятельность. Друзья вместе перебираются в Санкт-Петербург для получения высшего образования, где оба не только продолжают активную политическую деятельность, но и делают свои первые научные успехи. После февральской революции 1917 г. молодые ученые еще активнее становятся вовлеченными в политику, оба становятся секретарями у А. Ф. Керенского. После октября 1917 г. Кондратьев и Сорокин становятся депутатами Учредительного собрания, вскоре разогнанного больше-

¹⁰⁶ Ходатайство В. В. Оболенского (Н. Осинского) в Политбюро ЦК РКП(б) с просьбой освободить от высылки Н. Д. Кондратьева. 23.08.1922. АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 175. Л. 75-75 об. Автограф. http://www.hrono.ru/dokum/192_dok/19220823osin.html. Последнее посещение 28 ноября 2016.

¹⁰⁷ Агеев А., Мясоєдов Б. Сорокин и Кондратьев – два переплетенных пути // Экономические стратегии. 2013. № 5.

виками, а в 1918 г. – участниками «Союза возрождения России», за что подвергаются преследованию большевиками¹⁰⁸. Вместе ученые должны быть высланными на «философском пароходе», но покинуть Россию суждено было лишь Сорокину.

Это, однако, была отнюдь не случайность. Как и Кондратьев, Сорокин категорически не принимает большевистской революции, однако занимает при этом намного более резкую позицию: он говорит о «мятеже большевиков» и о «государственном перевороте»¹⁰⁹. В необыкновенно резкой статье, обращенной к «Победителям», он называет большевиков «лгунами», «грабителями», «негодяями», «убийцами», «предателями родины и революции»¹¹⁰. Сразу после октябрьской революции Сорокин занялся активной оппозиционной деятельностью, однако с успехами большевиков в гражданской войне не видит для себя более возможности продолжать политическую борьбу, и пишет отречение, в котором складывает с себя депутатские полномочия и объявляет о своем выходе из партии эсеров. В своем «Отречении» Сорокин, помимо прочего, признается в своем «горячем желании вернуться к прерванной чисто научной работе и к работе по культурному просвещению народа. [...] Политики могут ошибаться, политика может быть общественно полезной, но и может быть общественно вредной, работа же в области науки и народного просвещения – всегда полезна и всегда нужна народу, в особенности же в эпоху коренного переустройства всей государственной и общественной жизни»¹¹¹.

Заявление Сорокина попадает в поле зрения Ленина, который распорядился напечатать его в центральной газете *Правда*. На следующий день в ней же появляется статья самого Ленина¹¹², который показательно рассматривает отречение известного контрреволюционера Сорокина и приглашает к сотрудничеству его единомышленников-противников революции. По словам Ленина, «поворот Питирима Сорокина отнюдь не случайность, а проявление неизбежного поворота целого класса, всей мелкобуржуазной демократии», и далее: «мы должны научиться [...] использовать этот поворот, поддержать его, вызвать его в соответственных группах и слоях, осуществить все возможное в деле соглашения с этими элементами»¹¹³.

Однако Сорокин отказывается лишь от продолжения своей политической деятельности, но не от своих научных воззрений. Как и Кондратьев, видя свое дальнейшее призвание исключительно в научной деятельности, Сорокин при этом, в отличие от него, отказывается от сотрудничества с большевиками и продолжает

¹⁰⁸ См. Агеев А., Мясоедов Б. Сорокин и Кондратьев – два переплетенных пути // Экономические стратегии. 2013. № 5.

¹⁰⁹ Сорокин П. Во власти преторианцев // Воля народа. 29 октября 1917.

¹¹⁰ Он же. Победителям // Воля народа. 28 октября 1917.

¹¹¹ Отречение Питирима Сорокина // Правда. 20 ноября 1918.

¹¹² Ленин В. И. Ценные признания Питирима Сорокина // Правда. 21 ноября 1918.

¹¹³ Там же.

отстаивать свои научные взгляды. Помимо прочего, не обходит своим вниманием Сорокин и тему голода, рассматривая ее с социологической точки зрения. В своем труде «Голод как фактор. Влияние голода на человеческое поведение, социальную жизнь и социальную организацию» ученый утверждает, что продовольственная проблема будет вечным спутником тоталитарной идеологии. Главы этой книги печатаются в *Экономисте* в 1922 г., войну против которого как раз ведет Ленин, и авторы, и редакция которого практически в полном составе пополняют рейс «философского парохода». Не избежал попадания в списки высылаемых и Сорокин.

После высылки за границу, очевидно, спасшей жизнь Сорокину, начинается пересмотр его ценностных и научных взглядов. Из Берлина ученый по официальному приглашению Масарика перебирается в Чехословакию, где читает лекции и активно участвует в деятельности русского научного сообщества в Праге. В 1923 г. он получает предложение от американских социологов читать лекции о русской революции в США и вскоре перебирается туда. В Америке Сорокин совершенствует свой английский, пытается получить профессорскую ставку в американском университете, а также борется за признание своих идей, неизменно оставаясь критиком коммунистических воззрений и большевистской революции. Одновременно Сорокин издает несколько своих важных трудов по социологии¹¹⁴. Эти работы были скоро оценены по достоинству и приобрели международное признание. Сорокин не только создал себе репутацию крупного социолога в США, но и получил почетное и действительное членство нескольких академий и научных обществ.

Когда в Гарварде открывается новая кафедра социологии, Сорокина приглашают ее возглавить. Здесь для ученого создаются благоприятные условия работы, и его известность еще более растет. Помимо прочего, он создает «Гарвардский исследовательский центр по созидающему альтруизму», где разрабатывает идеи «творческого альтруизма» и «любви». В 1964 г. Сорокина избирают президентом Американской социологической ассоциации. Он и на пенсии продолжает работу над научными трудами, пишет воспоминания¹¹⁵, постоянно путешествует по стране с лекциями, участвует в международных научных конференциях и симпозиумах.

Сегодня Сорокина называют одним из великих умов XX в., признанным не только в США, но и во всем мире классиком социологии¹¹⁶. Лишь с большим

¹¹⁴ В частности, Сорокин создает концепцию «социальной мобильности», заканчивает «Современные социологические исследования», долгое время служившие учебником социологии в американских университетах.

¹¹⁵ Сорокин. Долгий путь.

¹¹⁶ Высочайшие характеристики в т.ч. в некрологе Гарвардской газеты *The Harvard Crimson* от 12.02.1968 г. <http://www.thecrimson.com/article/1968/2/12/pitirim-sorokin-is-dead-at-age/>; American Sociological Association «Past ASA Presidents: Pitirim Sorokin». <http://www.asanet.org/about-asa/asa-story/asa-history/past-asa-officers/past-asa-presidents/pitirim-aleksandrovich-sorokin>. Последнее посещение 12 декабря 2016.

опозданием его научное мировоззрение, в большинстве своем сформировавшееся и оформленное в эмиграции, получило признание и на его родине, в России.

Другой великий русский экономист начала XX в. наравне с Кондратьевым – В. В. Леонтьев. По стечению обстоятельств, Леонтьев также имел отношение к «философским пароходам»: в 1922 г. его, молодого студента Петроградского университета, арестовывают за расклейку листовок с протестом против высылки русских ученых. Получив диплом экономиста и начав научную карьеру в Петрограде, очень скоро молодой ученый сталкивается с цензурой. Стремление найти возможность исследовать занимающие его темы наводит Леонтьева на мысль об эмиграции. За этим следует аспирантура и научная работа в Берлине. В 1931 г. он перебирается в США и начинает преподавать в Гарвардском университете, где долгие годы работает над своей моделью «затраты-выпуск», прославившей его. Леонтьев выполняет прогнозы экономики для правительства Франклина Рузвельта, а во время войны руководит планированием поставок по ленд-лизу для СССР. В 1948 г. Леонтьев создает Гарвардский центр экономических исследований, ставший ведущим в своей отрасли в мировом масштабе, а в 1954 г. его избирают президентом Американского эконометрического общества. Вскоре модель Леонтьева начали применять во многих странах, что сделало его всемирно известным экономистом. В 1970 г. Леонтьев был избран президентом Американской экономической ассоциации, а в 1973 г. ему присуждается Нобелевская премия по экономике.

Идеи Леонтьева находят применение и в СССР, куда ученый неоднократно приезжал с научными визитами. Лишь в 1988 г. Леонтьева избирают иностранным членом Российской Академии наук, и его работы начинают издавать на родине¹¹⁷. Леонтьев, всегда следивший за ситуацией в экономике на родине, после перестройки пытался повлиять на ход экономических реформ, предостерегая от резкого перехода к рыночной экономике, однако услышан не был. Скончался знаменитый ученый в 1999 г. в США. Его жизнь представляет еще один пример того, как могла сложиться судьба ученого в эмиграции.

Стоит отметить, что подобных примеров существует множество. Несколько приведенных нами фактов из биографий русских ученых указывают на очевидную закономерность: во многом их дальнейшая жизнь и развитие научной карьеры зависели от того, остались ли они работать в стране при новой власти – или оказались в эмиграции. Этот вопрос, который ученые вынуждены были решать для себя после большевистской революции, оказался воистину судьбоносным как для них самих, так и для российской науки.

Большинство оставшихся в России представителей «старой науки» были деморализованы постоянными репрессиями и негативным отношением к ним как к «буржуазии», а, зачастую, и как к «врагам народа». Вслед за красным террором ученых, переживших первые послереволюционные годы, ожидали сталинские

¹¹⁷ Финансисты, которые изменили мир. М., 2014.

репрессии, разгромившие остатки старой научной элиты. Описанные в этой статье гонения на ученых складываются в катастрофическую картину планомерного уничтожения неугодной советской власти интеллигенции. Поскольку большая часть научной интеллигенции была уничтожена, покинула страну или была подавлена и запугана большевиками, интеллектуальный потенциал общества значительно ослаб. Для русской науки, и в особенности для общественных наук, массовые репрессии ученых обернулись развалом сложившегося научного сообщества, означая разрыв преемственности научных знаний и многих традиций русской науки.

И если судьба большинства оставшихся в СССР крупных ученых сложилась трагически, то за рубежом ученые часто получали возможность продолжить начатую до революции научную карьеру и работать в сфере своих интересов. Несмотря на горечь изгнания, эмиграция, вероятно, многим из них спасла жизнь, а комфортные условия научно-исследовательской деятельности и быта создавали ученым предпосылки для продуктивной работы. Таким образом, эмигрировавшие русские ученые обогатили науку тех стран, которые их приютили, как и мировую науку в целом (а позже и науку российскую, после реабилитации у себя на родине). Так эмиграция спасла многих российских ученых для науки.

Картина *Философский пароход*. Художник Дмитрий Пантюхин, холст, масло 85х150 см. Слева направо: Франк, Трубецкой, Бердяев, Шестов, Лапшин, Кизеветтер, Ильин, Осоргин, Выше-славцев, Карсавин, Лосский. <http://arthb.ru/filosofskiy-parohod/>